

До встречи в следующей жизни

Автор:

Юлия Ефимова

До встречи в следующей жизни

Юлия Ефимова

Лето, теплоход, девушка. Что еще нужно для счастья? Но Евгению Бабушка не до развлечений. Хорошо спланированные мероприятия по выявлению шпиона грозят полным провалом. Теплоход «Агата Кристи» словно живет своей жизнью, спутав планы гостям и, в частности, Женьке. К тому же разобраться в ситуации мешает тайна, что тянется уже столетия. Кортик Петра Великого, который так заботливо подарил Савва Морозов Марии Андреевой, женщине, покорившей его сердце навсегда, всплыл из недр истории и начал творить новую, кровавую летопись.

Лето, теплоход, мужчина. «Это то, что важно в жизни», – решит Аврора и сама себе не поверит. Ведь она уже так много ошибалась. И именно ужас всего происходящего на круизе выходного дня подскажет девушке, что на самом деле это единственное, что действительно важно.

Лето, теплоход и большая любовь, способная абсолютно на все.

Юлия Ефимова

До встречи в следующей жизни

Приветствую тебя, мой дорогой читатель. Эта книга рождена для отдыха, поэтому устраивайся поудобнее и приготовься с головой окунуться в приключение. Знай одно: все, что написано в данной книге, – художественный

вымысел писателя, а всякие совпадения случайны.

Посвящается большой любви Саввы Морозова к невероятной женщине Марии Андреевой.

Встретимся в следующей жизни, договорились?

Ты узнаешь меня обязательно, обещаешь?

В этой мы с тобой почему-то, увы, не случились,

Совершая большую ошибку, ты понимаешь?

Давай в Камергерском, где наши души вращались?

Я буду в чёрном, а ты, как всегда, на сцене.

Я удивленно спрошу: «А мы не встречались?»

И ты мне ответишь: «Ну, если только в поэме».

Этот пароль мгновенно разбудит спящих,

Мы сразу все вспомним, и станет невыносимо,

От ощущения нас с тобой настоящих,

И от потока времен, проносящихся мимо.

Спросишь меня: «А если не будет встречи?

Если судьба-злодейка нас раскидает?»

Не бойся родная, отвечу: с тобой мы навечно.

Это Москва, Камергерка и Савва тебе обещают.

Индия. Дели. За месяц до описываемых событий

– Ты уверен, Садхир, что у нас получится? – испуганно спросила Лала в сотый раз. Девушка, как верная собака, сидела на полу у его ног и с надеждой вглядывалась в любимого.

– Милая, – продолжал щелкать клавишами старенького ноутбука молодой человек, – должна быть история, интересная, романтическая, такая, чтоб за душу брала.

Садхир рос сиротой, но старший брат его отца, обеспеченный человек, не бросил мальчишку. Дядя отправил его в закрытую английскую школу, где молодому человеку дали образование, о котором мечтали бы многие мальчишки в Дели.

Когда же Садхир получил образование, дядя сказал, что теперь он должен пробиваться сам, и молодой человек пошел по жизни, опираясь только на себя. Даже с хорошим образованием найти работу в многомиллионном Дели было крайне сложно. Он снимал маленькую комнату на чердаке старой многоэтажки и довольствовался тем, что посылал ему бог. Хватало на еду и одежду, а также чтобы платить аренду вредному хозяину комнат.

Но все изменилось, когда он встретил Лалу. Девушка пришла в театр, где Садхир подрабатывал сценаристом, и тот пропал, влюбился, забыв все на свете. Именно тогда сосед по чердаку подсказал, как можно заработать деньги в Сети. Возможно, Садхир не стал бы этим заниматься, но Лала была из богатой семьи, и ему хотелось покорить ее сердце, а для этого были нужны деньги.

На удивление у него получилось с первого раза – помогли образование, знание психологии и его навык написания сценариев. Он воспринимал это все, как только что написанный роман, и потому ему верили. Садхир не наглел и больших денег не требовал, но вчера все изменилось. Лала познакомила любимого с отцом, и тот, оглядев молодого человека строгим взглядом, вынес вердикт: если Садхир за месяц заработает на свадьбу, то отец, так уж и быть, даст согласие.

– Смотри, любимая, – молодой человек спустился к ней на пол и поставил на стул ноутбук, – мы берем с тобой большой город. Вот ты бы какой хотела, назови любой.

– Москву, – сказала Лала и покраснела. – Я всегда мечтала там побывать. Папа говорил, что это холодный и злой город, но мне по фото и видео так не кажется.

Когда я смотрю фильмы про Москву, снятые русскими, то она представляется как город-праздник, город-сюрприз.

– Замечательно, – согласился Садхир, – пусть будет Москва. Я пару раз работал с русскими, правда с Санкт-Петербургом и Новосибирском, но Москва тоже хорошо.

– Я боюсь, тебя поймают, – девушка закрыла лицо руками.

– Не переживай, – машинально погладил он ее по голове, – я это проделывал уже сто раз, русские женщины очень наивны. Главное в этом деле – подобрать правильного персонажа нашей истории. Вернее, не так, главное, чтобы это очень походило на правду, но с нотками авантюризма и романтики. Вот сейчас мы залезем с тобой в отдел кадров американского посольства в Москве.

– Это опасно? – спросила девушка. Ей не хотелось видеть, что он делает, но и бросить любимого в столь щекотливом деле, как поиск денег на их свадьбу, Лала тоже не могла.

– Для меня это как зубы почистить, – засмеялся Садхир. – Да и это же не Пентагон, это всего лишь посольство в Москве.

– Но зачем так сложно? – не понимала Лала.

– Вот смотри, такой милый молодой человек Джон Тейлрон, менеджер по обеспечению жизнедеятельности посольства, – сказал Садхир, – тридцать лет, не женат. Берем? – спросил он Лалу, шутя, но девушка не спешила улыбаться.

– А что романтического в его профессии? Он просто покупает чистящий порошок, смотрит, как убрались, и проводит ревизию швабр, – удивилась девушка такому выбору.

– Главное – это то, что он работает в американском посольстве, а у россиян странные отношения с этой страной: они то восхищаются американцами, то ненавидят, то хотят их всех спасти, – улыбнулся Садхир, словно вспомнив что-то.

– А ты откуда знаешь? – удивилась таким знаниям о далекой северной стране невеста.

– Я жил четыре года в одной комнате с двумя русскими. Кстати, я неплохо говорю на этом рычащем языке, – похвастался молодой человек.

– Серьезно? – удивилась Лала, открывая все больше талантов своего избранника.

– О, это удивительная история, – засмеялся Садхир, – однозначно, русские – очень странная нация. Родители моих товарищей по комнате, живущие в Дели, отправили их в лучшую английскую школу нашей столицы, туда же, куда отправил меня учиться дядя. Они хотели, чтобы те научились говорить на английском языке, а, по сути, получилось, что весь наш поток стал говорить по-русски. А у меня так вообще не было вариантов, так как я жил с ними в одной комнате. Уже позже я попросил своего преподавателя отправить меня еще и на изучение русского языка, наряду с английским и французским, потому как посчитал: зачем пропадать знаниям? Говорить я уже мог сносно, понимал вполне прилично, а вот писать пришлось учиться с нуля. Хотя нет, пару ругательных слов на русском я все же знал и умел их даже писать. Мои соседи по комнате любили оставлять ругательные записки, – вновь улыбнулся своим воспоминаниям молодой человек.

– Ты у меня такой умный, – сказала Лала, замороженно глядя на своего жениха. – Как будет на этом языке «Я люблю тебя»?

Садхир сказал сложные для восприятия слова, девушка не удержалась и поцеловала любимого.

– Ну хорошо, у нас есть распорядитель пылесосов из американского посольства в Москве. Что дальше? – казалось, Лала растаяла и поверила своему любимому, что все получится.

– Вот, смотри, я создал его фейковый аккаунт в социальной сети, поместил фото нашего красавчика и настоящие данные перенес из карточки в посольстве в описание профиля. А жених потенциальный у нас, оказывается, отличник, был скаутом и имеет диплом с отличием. Вот каких людей берут на работу в посольство, – усмехнулся Садхир. – Как бы самому в него не влюбиться, – пошутил он и подмигнул невесте. Та же шутя толкнула его в бок.

Лала любовалась, как преображается лицо любимого, когда он чем-то занят.

– Теперь нам надо подобрать невесту, – он снова уткнулся в экран. – Вот, смотри: подходящие ему по возрасту девушки. Сильно молодым не надо писать, у них еще женихов полно, да и они верят, что все еще впереди. Нам нужна такая же правильная и умная, которая уже понимает, что последний вагон вот-вот умчится вдаль. Давай отберем потенциальных кандидаток, напишем несколькими: «Привет, у тебя волшебные глаза», – и ждем ответа. Я, конечно, делаю ошибки в словах, но это не страшно, ведь наш жених – американец и, скорее всего, тоже не знает русский на отлично.

– Но ведь папа назвал такую большую сумму, – вновь вспомнила причину всего происходящего Лала. – Найдется ли такая у девушки? Наверное, она должна быть еще и богатой.

– Как говорили мои товарищи по комнате, русским девушкам лучше прикидываться не крутым мачо, а тонушим чудаком, у них в крови кого-то спасать. Ты даже не сомневайся, я придумаю такую легенду, что русская кровь вскипит от желания спасти бедного американца.

– О, смотри, – вскрикнула Лала, – кто-то ответил.

– Ну-ка, посмотрим, кто у нас тут. Аврора Блябляс, двадцать восемь лет, менеджер банка, статус «В поиске». Ну здравствуй, Аврора, – улыбнулся Садхир, – добро пожаловать в сказку. Я напишу для тебя такую шикарную историю, которую ты будешь рассказывать своим детям. Но прости, тебе придется за нее заплатить. Просто так ничего не бывает в этой жизни, за все надо платить, даже за полученные эмоции, пусть даже ненастоящие.

Глава 1. Доча, ты индивид

«Доча, ты индивид», – промелькнули в голове слова матери. Это было не обидно, это была констатация факта и не более. Во многих случаях Аврора соглашалась с родительницей на все сто. Вот, например, как сейчас.

– Пожалуйста, мне вон тот смартфон, – сказала Ава, когда ее очередь подошла, – и сим-карту к нему.

– Могу вам предложить на выбор еще вот эти модели, – раскланялся перед покупательницей учтивый продавец.

– Нет, спасибо, – прервала его поток знаний о телефонах Аврора. – Я знаю, что беру.

И она не обманывала, это был уже третий телефон за месяц. Поэтому она точно знала бюджетную модель, которую ей будет не жаль, когда она ее вновь потеряет. Почему-то Авроре хотелось думать, что виной потери смартфонов является ее рассеянность, а не коварство людей. Так легче было переживать потерю. Потому как представить, что в ее телефоне теперь копаются другие люди, было выше ее сил. На улице солнце по-летнему припекало, и, сев на лавочку в ближайшем сквере, Аврора стала осваивать свое новое средство связи, распечатав и вставив симку.

«Доча, ты индивид», – скажет, ухмыльнувшись, мама, когда узнает, что у нее вновь вытащили из кармана телефон.

Аврора родилась в обеспеченной семье, где деньги, заработанные отцом, нещадно тратились матерью. К этому же процессу родительница пыталась приобщить и дочь, но Авроре всегда хотелось самостоятельности. Она никак не могла почувствовать себя взрослой, поэтому стремилась реализоваться, заработать свои финансы и жить отдельно.

Даже после того, как папы не стало, денег все равно было крайне много, мама ни в чем себе не отказывала, а Аврора по-прежнему не принимала, как она называла, «родительскую милостыню».

Хотя нет, две недели назад она все же попросила у мамы пять тысяч евро займы. Та дала, решив, что дочь одумалась и захотела жить на широкую ногу, ну, или хотя бы купить себе скромный, по меркам матери, автомобиль. Но не тут-то было. Когда мама узнала, куда Ава потратила деньги, то, хохоча в голос, сказала любимую фразу: «Доча, ты индивид», – и тут же предложила выпить за упокой прекрасных пяти тысяч евро. Но праздновать тогда пришлось не только пропажу денег, но и то, что Аврора уволилась с работы, которую так долго

искала. Ведь она верила, что уедет с любимым на край света и, спрятав его от всего мира, будет наслаждаться счастьем.

– Ты мне в следующий раз рассказывай про свои амурные дела, – говорила тогда мама, ничуть не злясь на дочку. – Хотя жалеть тут не о чем, деньги небольшие, а твоя работа мне никогда не нравилась. Ничего нет скучнее, чем сидеть в банке и перебирать бумажки. Поэтому все, что ни делается, все к лучшему, долой скучную работу.

Да, мама у нее была другой – яркой, красивой, а самое главное, легкой. Она легко сходилась с людьми, так же легко расставалась с ними, не тянув за собой шлейф сожаления, и в свои пятьдесят была эталоном для подражания.

– Привет, мам, это мой новый номер телефона, – сказала Аврора, сделав первый звонок своей родительнице, чтобы она не успела ее потерять. Девушку крайне злило, что она, почти тридцатилетняя женщина, должна быть на постоянной связи с матерью, но согласиться было легче, чем спорить, и она это знала по опыту.

– Дай угадаю, – засмеялась мать вместо приветствия, – у тебя снова украли телефон. Доча, ты индивид.

– Мам, – закричала Аврора так, что на соседней лавочке испугался спящий под летним солнцем дед и постарался быстро ретироваться из парка, – твои слова у меня уже как девиз на сердце высечены. Пожалей, пожалуйста, я сижу в парке на скамье, у меня украли телефон, я с утра уже прошла три собеседования, чем заработала себе огромные мозоли новыми туфлями – и никакого результата. Жизнь и так прошла по твоей дочери огромным трактором, сдержись хоть ты. Я еще не отошла от разочарований, которые мне подарила моя двадцать восьмая весна, дай хотя бы шанс моему лету.

– Ну, вообще-то, я это и хотела сделать, – обиженно сказала Аделия Блябляс, что было на нее не похоже. Обычно она не опускалась до простых бабских обид.

– Ладно, прости, – стыдясь своего тона и того, что не сдержалась, сказала Аврора. – Просто у меня сегодня был трудный день.

– Доченька, день только начинается, – сказала мама, тут же перестав дуться, – но вспомни, когда он у тебя был легким.

Аврора знала, что это риторический вопрос, и просто промолчала, обреченно ожидая продолжения маминого монолога.

– Правильно, – продолжила родительница, словно она была уверена в значении молчания дочери, – ты не можешь этого уже даже вспомнить. А почему?

– Почему? – на этот раз Аврора решила помочь родительнице в повествовании, надеясь, что оно пойдет чуть быстрее и оттого быстрее придет к своему логическому заключению.

– Потому что ты идешь не тем путем. Где-то в жизни ты свернула не на ту дорогу, – выдала новую версию жизни Авроры мама. – Понимаешь, ты повернула не на свой путь, потому как свой – он всегда легкий и всегда радостный.

– Mam, если ты знаешь, где моя дорога, то просто подскажи мне. Я так устала, что соглашусь уже на все. Я устала быть невезучей и постоянно получать тычки от жизни. Поэтому, если карта моих дорог у тебя в руках, просто ткни пальцем в нужном направлении.

– Ну вот, – чувствовалось, мама удовлетворена тем, что услышала, – я ощущаю у тебя желание менять свою жизнь. Доча, вспомни, ведь ты прекрасно пишешь стихи, возможно, твое призвание в этом.

– Mam, я наивный дилетант, каких сейчас тысячи в Сети. Ты хочешь, чтоб я присоединилась к ним? Стала одним из тех стихоплетов, что засоряют паблики в надежде на признание? Пожалуйста, можно я не буду строить из себя непризнанную Ахматову и продолжу искать нормальную работу.

– Хорошо, к этому мы еще вернемся, – на удивление легко согласилась родительница. – Я тут на днях ходила к одной гадалке.

– Ма-ма, – застонала в трубку Аврора.

– Ну а что, я просто посоветоваться, я постоянно думаю о твоей жизни, и, знаешь, одна голова хорошо, а две лучше.

– Ну, тогда уже три, – вставила Аврора свои подсчеты, – или ты совсем разочаровалась в дочери и решила уже меня не считать как полноценную голову.

– Не придирайся к словам, – перебила мама. – Так вот, она мне сказала, что сейчас для тебя самое главное – закрыть все свои гештальты.

– Беру слова обратно, твоя гадалка – просто психолог, который хочет чуть больше заработать. Потому как такое слово уважающая себя представительница потустороннего мира не скажешь никогда, она просто обязана его презирать, – предположила Ава.

– Это не просто старая бабуля в платочке, это образованная молодая женщина, у которой есть дар, – пояснила мама.

– Ну и в чем сейчас мои гештальты, она случайно не уточнила? – спросила Аврора, не надеясь на конкретный ответ. Но она сильно ошибалась.

– Это, доча, знаю я: для начала тебе надо вернуть свои пять тысяч евро, – спокойно сказала мама.

– Что? – Аврора аж подпрыгнула на скамье.

– Да-да, ты не можешь себе представить, чего мне это стоило, но завтра после обеда мы отплываем с тобой на теплоходе.

– А при чем те злосчастные пять тысяч евро и твое желание прокатиться на железной посудине по реке? – не поняла Аврора.

– На нем поплывет и твой Джон Тейлрон, я его нашла и выследила. Ну, не я, конечно, а частные детективы, что не имеет большого значения, потому как их оплачивала все же я. Вчера он купил себе путевку на теплоход «Агата Кристи», вот там и проверим: ему правда угрожает разведка или он просто аферист.

– Мам, он существует? – осторожно спросила Аврора, не зная, радоваться или плакать.

– Да, доча. Не знаю, на счастье или на горе, но Джон Тейлрон действительно существует и действительно работает в посольстве США в Москве, как он тебе и писал. Более того, он даже выглядит так же, как на фото, что он выставил в социальной сети. Сейчас сижу и рассматриваю папку с фотографиями, которые передали мне детективы, и сравниваю с фото из того аккаунта, что этот жук очень быстро удалил после того, как ты выслала ему деньги. Так вот, мой вердикт: это один и тот же человек.

– Да-да-да, – Аврора вскочила и, несмотря на мозоли, стала танцевать вокруг лавочки. – Мама, он любит меня, я всегда знала, он просто сейчас в беде и не хочет подставлять меня. – Но вдруг поняв что-то, она остановилась и уже испуганно сказала: – Мам, я могу его подставить своим появлением на теплоходе, вдруг он под наблюдением, вдруг он на задании, а я все испорчу?

– Мы замаскируемся, – сказала родительница, – я все продумала. Дуй на проспект Сахарова, будем менять тебе внешность. Он видел лишь твою фотографию, и если мы с тобой немного исправим главные акценты, что-то типа прически и макияжа, то он тебя не узнает, гарантирую.

– Мам, по-моему, ты преувеличиваешь, – засомневалась Аврора.

– Твой папа не узнал меня в кафе и даже начал знакомиться заново, когда пришел на наше второе свидание, а я всего-навсего надела тогда парик на голову.

– А тебя что на парик-то потянуло? – спросила Аврора на автомате.

– Ну, тогда они были в моде, вот я и решила выпендриться, правда, надела не в цвет волос, а взяла у подруги черный с мелкими кудрями.

Аврора первый раз за день улыбнулась, представив папу, пытающегося второй раз познакомиться с мамой.

– Еду, жди, – сказала она в трубку уже совсем другим голосом – голосом человека, решившегося на что-то важное.

Когда ничем не примечательная, безработная, двадцативосьмилетняя девушка встала и, немного прихрамывая от натертых мозолей, пошла к метро, за ней медленным шагом направился молодой человек в белых летних шортах, белой футболке и бейсболке, на которой была надпись «ЧЕМПИОН». Он уже просмотрел украденный у нее телефон и ничего особенного там не нашел, но выкидывать не стал. Возможно, придется покопаться лучше или отдать спецам. Странная особа, которая сначала плакала, потом танцевала, а после и вовсе пошла босиком к метро, сняв жмушие туфли, вызывала много вопросов. Нельзя было просто отмахнуться, надо отработать ее до конца.

Сон I

Москва, 1898 год

– Я родилась в красивую светлую ночь, 4 июля 1868 года, в прекрасном городе на Неве, – произнесла Мария Андреева, глотнув вина из бокала. – Но в моем детстве нет ничего интересного, – кокетливо улыбнулась она видному мужчине.

– Мария Федоровна, – сказал сидевший за столиком напротив Савва Морозов, – вы лукавите, у вас очень интересная семья.

Мужчина был полноват, имел красивую, интеллигентную бороду и уверенность в своей мужской силе. Хотя присутствующим людям в ресторане было заметно, как красивая женщина, сидевшая напротив, вводила мужчину в ступор, заставляя его голос дрожать.

– Мой отец, – удовлетворившись тем, как отреагировал поклонник, продолжала говорить женщина, – главный режиссер Александрийского театра, мать – актриса. Я выросла в любви к искусству. В детстве с меня писали картины Крамской и трижды Репин, а великие актеры предрекали мне большое будущее на сцене, – скромность Марии Андреевой была, конечно, напускной, она знала о своей красоте и пользовалась ею безразмерно.

Женщина кокетливо умолчала, что Репин не просто писал с нее картины, она служила его музой. В пятнадцать лет грациозная барышня с балетной фигурой стала моделью Репина для донны Анны к иллюстрации «Каменного гостя» Пушкина. Поэтому Мария Андреева знала себе цену на сто процентов и пользовалась своей красотой сполна. Каждый раз это был некий ритуал – заставить мужчину восхищаться ею. Она не могла без этого, это был ее наркотик, ее главная энергетическая подпитка.

Вот, например, сейчас у нее появился новый поклонник. Ей может позавидовать любая театральная дива, да что там, любая женщина в России. Савва Тимофеевич Морозов был одним из самых богатых людей России. Его жена купалась в роскоши, устраивая тожественные приемы в своем особняке на Спиридоновке. Поговаривали, что его построил Савва для своей семьи по проекту Федора Шехтеля, а украшал особняк сам Михаил Врубель. На тех приемах бывали и знаменитости, и просто богатые люди. Приемы отличались кричащей роскошью, граничившей с безвкусицей. На них можно было встретить Мамонтова, Чехова, Боткина, Шаляпина. Кто бывал на балу у Зинаиды Морозовой, говорил, что еще никогда не видел такой роскоши и красоты. А однажды эта выскочка вообще заставила позавидовать ей самую великую княгиню Ксению Александровну, придя на прием с букетом такой красоты, что превосходила даже царские, потому как и садовники у Морозовых были самые лучшие в России.

И вот человек, так любящий свою жену, к слову, отбивший ее у племянника, влюбившись в красавицу прямо у них на свадьбе, сейчас у ног актрисы театра МХТ Марии Андреевой. Это очень льстило женщине, и было непонятно, нужен ли ей этот человек, нравится ли он ей как мужчина, или же Мария просто захватила его как трофей, которым можно хвастаться, выставляя напоказ.

Она не страдала от того, что поклонник женат, потому как и сама была до сих пор замужем. Правда, в отличие от Саввы Морозова, который сохранял видимость любви и верности супруге, она сразу после рождения второго ребенка, четыре года назад, договорилась со своим немолодым уже мужем о том, что они просто друзья. Семья теперь существовала лишь номинально, для того чтобы дети росли в любви обоих родителей.

– А вы, Савва, вы как пришли в театр? – спросила своего поклонника Андреева.

– Вы знаете, Мария, я просто счастлив, что недавно случай меня занес на первый спектакль художественного театра «Царь Иван Федорович» по пьесе Алексея Толстого, и я испытал тогда такое потрясение, что стал самым горячим сторонником театра.

Мария слушала своего нового поклонника с интересом, потому как все, что связано с театром, было для нее главной и единственной темой в жизни, на которую она могла разговаривать часами. Конечно, в последнее время к этому прибавилась борьба за свободу и равенство. После того как Мария прошлым летом познакомилась в Женеве с Лениным и стала рьяной поклонницей РСДРП, более того, сподвижницей, собирающей для партии деньги, идея равенства людей горела в ней постоянно. Но все же театр был превыше всего, театр был ее святилищем, ее храмом.

– Вы знаете, Мария, именно тогда мне очень захотелось, чтобы такое искусство было доступно всем, – продолжал рассуждать Савва Морозов. – Потому-то мы с нашими общими друзьями Костей Станиславским и Володей Немировичем-Данченко создали предприятие, названное Московский художественный театр. Я стараюсь жертвовать театру деньги постоянно, чтобы билеты впредь были доступны всем.

– Мне очень нравится ваш подход к этому делу, – сказала Мария, продолжая строить глазки мужчине. Она умела и любила это делать. – Театр – это то, что дает людям надежду, – рассуждала она не напоказ, а от души. – Нет, он не может ничего и никого изменить, но он может дать надежду людям на то, что добро обязательно победит зло, надежду на то, что хороших людей все же больше; на справедливость, в конце концов.

Слова и дела Саввы Морозова сочетались со второй страстью Марии Андреевой – борьбой за равенство людей. Женщина хоть и недавно примкнула к социал-демократам и прониклась идеями марксизма, но уже проповедовала их, как старый священник несет мысль своей пастве – уверенно и непоколебимо, свято веря в то, что она говорит. Актриса прочитала «Капитал» Маркса и много других работ видных в этой сфере деятелей, и теперь эта идея горела в женщине не хуже театра. Но новому поклоннику о ней она пока решила не говорить, дабы не напугать мужчину своим, прямо скажем, спорным увлечением.

– Вы не только очень красивы, – сказал Савва, завороченно любуясь женщиной, – не только талантливая актриса, но вы еще и неестественно умная для своей

внешности женщина. Я восхищаюсь вами, Мария, – искренне произнес Савва.

– Спасибо, – приняла комплимент как должное Мария, перестав кривляться и на миг став самой собой. – Знаете, о чем я мечтаю? – спросила она Савву.

– О чем? – улыбнулся он, понимая, что это и есть то, зачем они встретились в этом ресторане. Сейчас она назовет свою цену, а Савва – человек, который мог все. Без преувеличений, Савва Морозов мог добиться любой цели, поэтому он не сомневался, что покорит эту женщину, сколько бы ему это ни стоило.

– Я мечтаю, чтобы у МХТ была своя сцена. Свой собственный дом, куда люди бы приходили, чтобы смотреть и надеяться. Чтобы рядом с рабочим вашей фабрики сидели дворяне, потому что искусство должно быть для всех, оно должно объединять людей, не деля их на сословия. Я знаю, что театр как воздух. Мы же не делим воздух для богатых и бедных, вот и здесь этого делать нельзя.

– Я куплю землю и построю МХТ в самом лучшем месте Москвы, – серьезно сказал Савва, еще больше влюбляясь в эту невероятную женщину, потому как она попросила не золото и бриллианты, а искусство для всех, чем покорила его с головой, – обещаю вам. А наши потомки будут ходить туда, даже не подозревая, что его построил один не очень молодой человек, влюбленный в самую красивую женщину на свете.

Савве Морозову было на тот момент тридцать шесть лет, и именно в эту секунду его жизнь начала обратный отсчет.

Глава 2. Собака откладывается

– Я с тобой расстаюсь, – сказала холодно Лелька в телефонную трубку, но Евгению не было страшно от ее слов. Она так говорила постоянно и никогда не выполняла свою угрозу.

Ну не мог он поехать в их запланированный отпуск, потому что дело, которым он занимался, принимало неожиданный оборот и требовало срочной командировки. Нет, конечно, он мог бы послать и кого-то другого, но это было его собственное

дело, в которое почему-то не верил никто, и если оно вдруг выстрелит, то Евгений Бабушка может получить должность начальника специального отдела ФСБ.

Начальник по секрету поделился информацией, что вот-вот и он уже пойдет на повышение, даже начал медленно собирать вещи из стола для переезда в другой кабинет – получше и покомфортнее. Но для того, чтобы сесть в освобождающееся кресло, Евгений должен был сделать что-то значительное, и вот это его никому не интересное дело было очень кстати. То, что, глядя на него, начальство со скепсисом качало головой: мол, тупик это, Женька, пустышка – так это мелочи, победителей не судят, тут только, главное, победить.

В отделе получили информацию, что недавно назначенный главой технической службы в посольстве США человек чересчур хотел в Москву, предприняв массу усилий для того, чтобы попасть именно туда. Чтобы не спугнуть, за ним наблюдали, но так, без усилий, потому как, если это большая птица, то он быстро поймет и превратится в спящего. Отслеживали только большие перемещения. И вот, в первый раз за пятьдесят дней своей работы, он собрался в путешествие, купив путевку на теплоход «Агата Кристи». Женькино чутье подсказывало, что началось, что через него они и выйдут на главного, того, кто за деньги беспринципно и поэтапно продает Родину. Таких он презирал особо. Слово «Родина» для Женьки не было пустым звуком. Он родился в перестройку, а становление его прошло в страшные девяностые. Евгений никогда не забудет, как заплеван был их телевизор в маленькой квартире, и его приходилось протирать каждый день мокрой тряпкой. Ведь смотреть сериал «Элен и ребята», который начинался в шесть часов, как раз после новостей, было невозможно по причине заплеванного экрана. В телевизор плевал отец, плевал от безысходности, потому что не мог наблюдать, как разваливается его страна. Та страна, за которую его отец, Женькин дед, отдал жизнь, защищая ее от фашизма; та страна, которой он всегда безмерно гордился и строил в ней светлое будущее, отдавая всего себя этому процессу, где-то даже жертвуя собой.

Женька не забудет и слез отца, когда НАТО бомбило Белград. Тот, вытирая скупые мужские слезы, повторял: «Мы их не защитили, предали наших братьев-славян, мы предали их, бросили, мы предатели». Маленькому мальчишке до мурашек было жалко своего отца, он подходил и гладил того по голове, не зная, чем еще может помочь сильному, здоровому мужику, который первый раз заплакал на его глазах.

Лишь сейчас Женька понял, что тогда Россия сама была в шаге от пропасти и ничем не могла помочь братьям-славянам. Тогда наш президент, вступая в должность, прикладывал руку к груди и говорил: «Боже, храни Америку». И, видимо, бог слушался его и хранил эту далекую страну, давая планомерно разваливать нашу.

Простые люди живут, смеются, работают, пьют по пятницам в баре пиво, не зная, что каждый день идет «Большая игра». Даже с развалом Советского Союза она не закончилась, она продолжается по сей день и будет вестись, пока враги не развалят Россию на множество мелких стран, которые будут вести жалкое существование и не представлять для Запада никакой конкуренции, когда русские станут их рабами. Вот главная цель этой игры.

Именно со слез отца и его отчаянных плевков в телевизор началась Женькина дорога в профессию, именно тогда он пообещал себе, что будет всегда служить своей Родине. Чтоб не стыдились за нее старики, чтоб гордились ею дети, что его страна не стала полигоном для экспериментов других держав, считающих себя выше других, так называемым «золотым миллиардом». Поэтому, если в его такой тонкой работе наметился хоть маленький прогресс, это не стоило даже месяца с Лелькой у моря.

Конечно, возможно, что его подопечный, которого он так долго и тщательно разрабатывал, настаивая перед начальством на его двойной игре и связях в России, мог действительно просто поехать развеяться из жаркой Москвы, но проконтролировать этот порыв все же стоило. Не так часто объект, в принципе, куда-то отлучался, возможно, это прорыв в разработке. Если его проект выстрелит, то кресло начальника отдела ему обеспечено, и это будет не порыв карьериста – это желание хорошо делать свою работу и направлять на это других людей.

Евгений помнил, что вылет их с Ольгой самолета был в обед с аэропорта Шереметьево, и он планировал помириться с любимой именно там. Леля, видимо, окончательно обидевшись на своего жениха, не брала трубку вот уже второй день, поэтому он гнал по платной дороге М11 в аэропорт, стараясь успеть к вылету.

Его невеста была молодой и капризной девочкой. Разница в возрасте у них – целых восемь лет. Они познакомились полгода назад через общих друзей, и тридцатитрехлетний Евгений решил: вот оно. Хватит ходить холостяком, пора

уже успокоиться и создать семью.

Имея привлекательную внешность, рыжие волосы и до невозможности обаятельную улыбку, Жуан, так называли его друзья, быстро соблазнил юную красавицу, но дальше начались сложности. Ольга постоянно требовала внимания, а при его работе времени было очень мало. Девушка то обижалась, то разрывала отношения, но после вновь сама звонила и мирилась с любимым. А неделю назад, когда Женька принес билеты в южную сторону с услугой «все включено», то и вовсе растаяла, и начала с нетерпением ждать путешествия. Он планировал на берегу Черного моря, под звук волн сделать красотке предложение, но все изменило сообщение оперативников: «объект» купил путевку и собрался провести выходные на теплоходе с прибытием в город Мышкин и обратно. Это был огромный прорыв в деле, и, казалось, уже нет ни одной ниточки, за которую можно потянуть. Начальство настаивало, что это пустой след и парень просто хотел посмотреть Москву, как тут началось движение. Пусть это всего лишь маленькая вероятность, но Евгений знал, что иногда именно из маленькой вероятности вырастает большое разоблачение.

Ничего, – Женька потрогал коробочку в кармане, – сейчас он сделает предложение в аэропорту. К тридцати трем годам у него в активе был неудачный брак в ранней молодости, который продлился месяц, несколько серьезных отношений, закончившихся ничем, и огромное количество коротких и ни к чему не обязывающих увлечений. Но именно сейчас он почувствовал, что пора менять негативный опыт на позитивный и Ольга, несмотря на свой юный возраст, привыкнет к его работе. Ему захотелось быть «как все», обзавестись семьей, завести собаку и домашние тапочки. Чтоб елка на Новый год, а летом Черное море. Чтоб утром до работы детский крик и подгорелая яичница, а вечером страх забыть забрать ребенка из детского сада и бокал вина со второй половиной после отбоя отпрыска. А после прогулка с барбосом и разговор с ним по душам, так как жена устала и уже спит. Вот этого всего так сильно захотелось Женьке, забрезжила надежда, что все возможно, что все у него будет как у всех, как говорила мама – по-человечески.

– Привет, – сказал Евгений в телефон, войдя в зал вылета. Он надеялся, что сам увидит свою девушку, но ее нигде не было видно, – это Бабушка тебя беспокоит, – весело сказал он в трубку. – Ой-ой, очень смешно, ты же понимаешь, что я такие шутки: «Бабуля, ты что, звонишь с того света?» – слышу каждый день. Так что будь оригинален. Узнай мне, пожалуйста: Ольга Владимировна Иванова, летит в Сочи на дневном рейсе. Проходила уже в зону

вылета?

Человек на другом конце помялся, но все же выяснил, что нет. Поэтому Женька, удовлетворившись, встал у досмотра при входе в зону вылета, чтобы не пропустить свою, видимо уже будущую, жену.

От скуки молодой человек стал разглядывать спешащих пассажиров. Это было одним из самых любимых его занятий: понять, кто и чем занимается. В кафе за чашечкой кофе или вот как сейчас, в переполненном аэропорту, Женьке доставляло огромное удовольствие угадывать незнакомых людей. В детстве он даже придумал для этого название: рассекречивать. Позже на специальных курсах их учили по внешности и действиям незнакомца выяснять, кто он и что делает. Сейчас мысленно, почти на автомате, он стал производить эти привычные манипуляции.

«Вот пошла семья: возвращаются определенно с юга, скорее всего, турецкого, у главы семейства свойственный нашим мужикам красный загар, дочки все с мелко заплетенными косичками, а на голове у королевы ячейки общества шляпа с широкими полями. Она приобрела ее, скорее всего, на пляже у испуганного мигранта, с которым на ломаном английском долго торговалась. Нет, не жадничая, а так, для душевной радости. Конечно, даже в летнее время пляжная шляпа в Москве смотрелась глупо, но дама так не думала и потому гордо несла ее на своей голове. Ну, с этими все понятно, едут, скорее всего, в Пермь, хотя нет – сынишка с рюкзаком “Океан”, возможно, это Владивосток или другой город Дальнего Востока. Обычно в лагерь “Океан” ездят дети все с того же региона. Дальше. Парень стоит один и ждет кого-то, молодой и очень переживает, скорее всего, девушку. Хотя, может, и провожает. Нет, все же, наоборот, ждет кого-то, кто должен его проводить, потому что у парня на плече рюкзак, и он явно не только с компьютером. Там, скорее всего, поместится несколько рубашек, футболок и пару шорт. Значит, тоже на юг. Лето, все едут на юг, а самые счастливые – уже с юга».

Парень, видимо, заметив внимание Евгения, немного помявшись, подошел к нему.

– Вы не подскажете, – спросил он, – здесь один выход на посадку?

– Да, – сказал Женька, оглядываясь вокруг, боясь пропустить Ляльку.

Семья, которая так понравилась ему, встала в очередь на вход в зону вылета и тихо ругалась. Жена, сняв, наконец, шляпу и вытерев рукавом потный лоб, высказывала мужу, как он некультурно себя ведет, чем позорит в очередной раз благородную женщину.

– Ждешь невесту? – от скуки и, отчасти, чтоб скоротать время, Женька решил поговорить с молодым человеком, который после своего вопроса не отошел, а продолжил рядом переминаться с ноги на ногу.

– Да, – он почему-то обрадовался вопросу постороннего мужчины, словно ему очень хотелось поделиться с кем-то своей радостью. – Она чудесная, мы расстались некоторое время назад, но сейчас помирились и едем вместе отдыхать на юг.

– Зря, – не разделил его радости Женька и решил поделиться с младшим товарищем горьким опытом. – Знаешь пословицу: «В одну воду войти два раза нельзя»? Прости, друг, но проверено сто раз. Даже когда тебе кажется, что шанс есть, знай – его нет. От возвращений лишь горькая досада, так, как раньше, уже не будет. Мой тебе совет: развернись и беги, ищи себе другую девушку. Их множество, и, поверь, найдутся лучше, чем твоя возвращающаяся каравелла.

Тут Женька вдалеке увидел Ольгу. Девушка, как всегда, шла на огромных шпильках, которые предпочитала любой другой обуви, и оглядывалась, словно ища кого-то в толпе. Он обрадовался этому знаку: значит, она тоже ждет, что он придет, значит, любит, значит, все правильно он сделал, и на этой мысли инстинктивно потрогал карман, где лежало кольцо.

– Зря вы так, – уважительно сказал парень, про которого Евгений уже успел забыть, – вы просто ее не знаете, она особенная. Кстати, вон она идет.

Парень показал в сторону идущей Лельки.

– Вон та, в розовом, – повторил он с придыханием. – Правда великолепная? – спросил счастливый до безумия молодой человек.

Секунд пятнадцать ушло на понимание того, что речь идет именно о Ляльке, той самой, которой он принес кольцо в маленькой красной коробочке в форме сердца.

«Пятнадцать секунд, многовато, Женька, стареешь», – мелькнула в голове постыдная мысль.

Но Ольга остановилась, устав, видимо, катить тяжелый чемодан, и Евгений выбрал вариант ретироваться. Счастливый конкурент, подбежав к его несостоявшейся невесте, на некоторое время закрыл Евгения, но все равно коридор был небольшим, и пройти мимо незамеченным было практически невозможно. Как майор ФСБ, он дал себе один шанс из ста, что сможет это реализовать, и, чтоб хоть немного увеличить процент счастливого исхода дела, стал оглядываться по сторонам.

Красивая шляпа с большими полями сейчас лежала на чемодане, а ее хозяйка была отвлечена тем, что с сосредоточенным видом раздавала билеты и документы своей семье для прохождения в зону вылета.

Стараясь не побеспокоить женщину и проверяя свои навыки, Евгений незаметно стянул головной убор с чемодана и надел на голову широкополую красавицу, надеясь хоть как-то замаскироваться под ней.

Быстро проходя мимо еще пять минут назад невесты, Женька вдруг понял, что ему стало легче, и удивился этому чувству. Оно было простым и каким-то верным, словно кто-то другой за него решил, и ему больше ничего не надо исправлять и думать. Не надо становиться, как все, не надо заставлять себя быть счастливым по общему сценарию. Но насладиться этим чувством не получилось. Сзади послышался вопль:

– Держи воровку!

Он был настолько воинственным, что Евгений Бабушка сразу понял: этот призыв летит за шляпой – и даже немного испугался, прибавив шаг, надеясь все же успеть покинуть коридор. Но он недооценил русскую женщину, она не готова была терять свой трофей, приобретенный на турецком берегу в жестком торге с африканским мигрантом, и не положила на русский авось и своего мужа, что, в принципе, одно и то же. Дама со скоростью света, которая, казалось, была невозможна, учитывая ее вес и комплекцию, догнала Евгения и, не доверяя одним словам, всем весом рухнула на майора. Поверженному мужчине даже показалось, что его кости предательски хрустнули и шанса встать на ноги уже не будет.

– Сволочина крашенная, – сказала женщина уже не так рьяно и стянула с Евгения шляпу.

Женька хотел возмутиться, что это его натуральный цвет волос, но промолчал, еще не до конца потеряв надежду остаться незамеченным для бывшей невесты.

– Мужик, ты что, того? – увидев, что ошиблась в половой принадлежности вора, дама даже с сожалением взглянула на поверженного врага. – Ты из этих, что ли?

Было видно, как женщина пытается подобрать слова, но ничего, кроме неприличного, видимо, не приходило ей на ум, и она, не забывая, что все-таки леди, усиленно пыталась подыскать приемлемое. И вот когда ничего не нашлось и уже оскорбительное, по ее мнению, слово готово было слететь с губ, к ним подлетел супруг грозной дамы.

– Дорогая, ты не ударилась? – поинтересовался краснолицый и заботливо оглядел сидящую на Евгении победительницу, не обратив никакого внимания на поверженного ею врага.

– Витя, ты только не бей его, – затараторила супруга, видимо зная о вспыльчивости мужа. – Он этот, ну, которые как бабы, – она все-таки нашла нужное слово, чтобы не ругаться при людях. – Видимо, не сдержался, увидев такую красоту, – на этих словах она водрузила вернувшийся к ней трофей обратно себе на голову, так и не встав с Женьки.

Пока супруг Виктор от злости и ненависти еще больше наливался кровью, Жека поглядывал в сторону Лели, в душе все еще надеясь остаться для девушки незамеченным.

Почему? Он не мог ответить на этот вопрос сейчас, просто было стыдно и противно, было мерзко и отвратительно. Не хотелось пустых и никому не нужных разговоров. Но больше всего в этом всем, конечно, было стыда. Сейчас, лежа на грязном полу аэропорта Шереметьево, Женька поклялся никогда больше не заставлять себя остепениться и жить «как все». Видимо, не для него это «как все». Ну ведь не может у всех быть одинаково, как под копирку? Наверно, где-то между работой и гулянкой он все же пропустил свою любовь, ту, что предназначена была ему богом. А может, и не было ее, ну не выделил

Господь ему вторую половину, решив, что его задача – прожить эту жизнь для чего-то другого. Значит, не будет ни яичницы по утрам, ни бокала вина по вечерам, и детсад останется только в воспоминаниях детства, с ненавистной кашей в комочках. Не будет и задушевных разговоров с собакой, потому как одному Женьке ее не потянуть. Бедное животное будет одно дома скулить и мечтать о возвращении своего хозяина.

– Женя, – услышал он удивленный голос Лельки. Конечно, чуда не случилось, и все, кто находился в маленьком коридоре, который вел на посадку, сейчас встали вокруг происшествия в круг, как малышня в хоровод вокруг елки.

– Мадам, – Евгений понял, что разоблачен, и перестал прикидываться глухонемым, – ваша шляпа была великолепна, и я не удержался. Сейчас вы спасли заблудшую душу, которая уже из-за красоты вашего головного убора готова была переметнуться на темную сторону. Прошу, встаньте с меня, – на этих словах Евгений поднялся с пола, помог встать ошарашенной женщине и галантно поцеловал ее пухлую руку.

– Ничего, – ответила не понимающая, что же все-таки происходит, дама, – я рада, что вы одумались.

– На будущее не соблазняйте данной красотой неокрепшие души, будьте милосердны, в конце концов, – погрозил пальцем Женька и, словно закончил все свои дела, развернулся на каблуках своих красивых, начищенных до блеска туфель и гордо (ну, по крайней мере, он на это очень надеялся) вышел из аэропорта. Все встало на свои места, у Женьки Бабушки по-прежнему главное в жизни – работа, и, видимо, иначе быть не может.

Он не слышал, как испуганная женщина, смяв и запихнув подальше красивую шляпу, сказала:

– Красота все-таки страшная сила. Как домой приедем, надо в церковь сходить, грех с души снять.

И не видел, как его неслучившаяся невеста долго смотрит ему вслед, словно решает: выиграла она или проиграла.

Глава 3. Родители – наше все

«Вот почему так, – думала Лиза, – сначала мы не можем жить без родителей, очень скучаем и плачем, когда расстаемся с ними, но, когда вырастаем, их общество начинает нас тяготить, уже хочется расстаться и, по возможности, надолго».

– Пап, ну что за тупость, почему я должна с вами ехать в это дурацкое путешествие? Я не хочу портить себе выходные. У меня куча планов в Москве, и я не собираюсь их тратить на скучное путешествие по реке и провинциальным городам. Даже если это юбилей твоей сестры тети Симы.

– Это не обсуждается, мы давно не проводили время вместе, – отец почему-то очень переживал, словно это действительно для него очень важно, – поэтому будь добра, удели эти три дня родителям. Мы не просим многого, всего одни выходные. Это теплоход премиум-класса, там будет не много народу, и обслуживание по высшему уровню тебе понравится. А провинциальные, как ты говоришь, города имеют столько всего интересного, что ты, поверь мне, будешь в полном восторге.

– Пап, мне не пять лет, чтобы на это вестись. Что они там имеют? – психанула Лиза. – Музей мышей в городе Мышкин и музей русской водки в Угличе. Лет десять назад я бы прыгала от восторга, но я выросла, папа, мне девятнадцать, и тебе уже пора это заметить.

– Ты пойми, доченька, мы сто лет не собирались, я не могу и не хочу отказывать Симе в день ее юбилея, – видимо, он поставил себе задачу уговорить Елизавету, и было видно, что не отступится.

– Что вы все пресмыкаетесь перед этой Симой? И ты, и мама. Если вы работаете на нее, это не значит, что вы рабы этой самодурки, – не сдержалась Лиза.

– Доченька, ты не права, мы приглашены не потому, что мы работаем на нее, а потому, что мы родственники, и это надо ценить. Сима даже тебе дала подработку, пока ты учишься в институте, надо уметь быть благодарными. Это то, чем отличаются воспитанные люди от невоспитанных, зря ты так, – на полном серьезе расстроился отец.

– Ну хорошо, тогда можно было бы найти попримечнее место для встречи, чем суденышко, плывущее по реке, – Лиза закатила глаза от возмущения.

– Котенок, – Сергей Васильевич сел рядом с дочерью и взял ее за руку, – ты вновь ошибаешься, это судно премиум-класса. Там всего шестнадцать кают, и все они уровня «пять звезд».

Лиза сморщилась, услышав эту информацию, так, словно укусила лимон.

– Ну хорошо, четыре звезды, – сдался отец. – Солнышко, я редко тебя о чем-то прошу, но сейчас мне необходима твоя помощь. Я не могу тебе все рассказать, прости, но это очень важно. Сима заказала тебе отдельную каюту, и ты можешь просто провести выходные за чтением какой-нибудь новой книги или просмотром занимательного фильма, выходя только на совместный ужин, – отец уже не знал, чем ее купить.

В комнату вошла мама. Она, как всегда, не имела своего мнения и просто молча слушала ссору мужа и дочери. Чем старше становилась Лиза, тем больше не понимала и не любила свою маму, как страшно бы это ни звучало. Женщина была словно безмолвное приложение к своему мужу. В детстве девочке было жалко мать, словно она что-то знает такое, чего не знают другие, становясь загадочной и молчаливой принцессой. Когда же Лиза подросла, то уже не понимала, как отец, такой яркий и красивый мужчина, может жить с этой амебой, у которой был вовсе не загадочный ореол, а просто меланхоличный характер и скучный внутренний мир. Мать красила волосы в ярко-рыжий цвет, одевалась, словно ей восемьдесят, и, казалось, уже давно не интересовалась жизнью Лизы. Словно после достижения совершеннолетия дочь стала ей не интересна, а она сама, как мать, выполнила свою миссию и больше ей ничего не должна.

Мама словно всегда находилась в каком-то своем мире, не пуская туда ни мужа, ни дочь, но если быть до конца откровенными, то Лиза и не рвалась туда. Ей больше импонировал мир отца – яркий и насыщенный, со своим всегда твердым мнением и прекрасным чувством юмора. В свои девятнадцать девушка была почти уверена: у папы есть любовница, такая же яркая и интересная, как он.

Иногда Лизе казалось, что она помнит маму другой, живой и веселой. К ней приходили воспоминания, как мама крепко обнимала маленькую дочь и от

переполнявших ее чувств кружила вокруг себя; как красивая и счастливая мама улыбалась и смеялась громче папы, а книги Лизе читала по ролям. Причем «Федорино горе» у нее получалось веселее всего, и Елизавета постоянно просила перечитать именно это стихотворение Чуковского. Но мама ни капельки не злилась, причем она в третий раз читала даже веселее, чем в первый, чем так смешила дочь. Но сейчас Лизе казалось, что это был всего лишь сон, счастливый сон, который она выдумала сама, и этого счастья с ней никогда не было, и мамы такой тоже никогда не было. А была вот такая, отстраненная и холодная, словно внутри у нее пусто.

- Ну хорошо, - сказала Лиза. - Но ты, папа, будешь мне должен одно желание.

Когда удовлетворенный ответом дочери отец вышел из комнаты, Лиза написала в мессенджере сообщение: «Теплоход “Агата Кристи”, на этих выходных. Вот и посмотрим, на что ты готов ради меня».

Сон II

Москва, осень 1902 год

Он был счастлив, в первый раз в жизни его душа была наполнена любовью сполна, и Савва Морозов купался в ней, как мальчишка. Даже когда он, человек, родившийся в старообрядческой семье, женился на разведенной женщине наперекор матери, счастья это ему не принесло. Как не принесло счастья рождение, в общем-то, любимых детей. Савва все равно чувствовал себя одиноким, и это щемящее чувство грызло его постоянно, вызывая приступы меланхолии и депрессии. Но после встречи с актрисой Марией Андреевой весь его мир наполнился тем, чего ему так не хватало, - любовью.

Жена слышала сплетни о его увлечении, но молчала, зная характер мужа. Помня, как он не послушал никого, когда женился на ней самой, как переступил через устои семьи, она понимала: не отступит и сейчас. Боялась, что, если она подтолкнет своим возмущением мужа, он пойдет на любой самый неприглядный для общества поступок.

Глупая курица, Савва давно бы уже ушел к этой невероятной женщине, просто та этого не хотела сама. Она, как Жар-птица, пленила его своей красотой и

талантом, но не давалась в руки. Это понятно, такие женщины не должны никому принадлежать. Женщины-жар-птицы – это мечта, ради которой мужчины ломают свои судьбы, но так и не достигают цели. Женщины-амазонки, которыми можно лишь восхищаться и которым нужно поклоняться. Ради нее предприниматель и меценат, один из самых богатых людей страны, готов был на все: развестись, жениться, луну с неба достать. Да что там, спонсировать идеи марксизма, которыми эта невероятная женщина была просто восхищена и даже несколько болела ими. Ради нее он был готов на все.

Савва лично курировал строительство здания для театра МХТ, чтобы его королева блистала на шикарной сцене. Театр домовладельца Лианознова в Камергерском переулке был выкуплен и перестроен на деньги Саввы Морозова. Архитектором был его друг Федор Шехтель, который даже отказался обсуждать оплату, делая все исключительно из расположения к Савве. Он же и придумал эскиз занавеса с эмблемой – летящей над волнами чайкой.

Как талантливо играла его Мария в «Чайке», чудесном спектакле его друга Антона Чехова, как же она была очаровательна! На сцене просто нет равных его примадонне, нет и не будет никогда. Последние три года Савва был счастлив, как никогда в жизни. Но постоянно в душе сидела страшная тревога, давящая и отвратительная, и даже в самые счастливые моменты она не отпускала, только тихо скулила внутри, предвещая беду.

Нынче пошла мода на ясновидящих и предсказателей судьбы. Савва же их всегда насмешливо называл факирами. Его жена Зинаида, втайне от набожных родственников, ведь все родные Морозовых испокон веков были старообрядцами, кои могли и проклясть за это, приглашала на свои вечеринки разных представителей этой, если так можно сказать, профессии, стараясь выглядеть модной хозяйкой. Приходили и чистые шарлатаны, и те, что могли удивить своей прозорливостью. Вот к одному такому мужчине, иностранцу средних лет, и пошел на днях Савва поспрашивать о своей тревоге, что жила в его сердце, не отпуская.

Долго и пристально смотрел на него хозяин дома, не моргая и не отводя глаз, так долго, что Савве стало неудобно.

– А вы в шар смотреть не будете? – спросил он, чтобы снять напряжение.

Савва видел этого мужчину на одном из вечеров в своем доме на Спиридоновке, на которых он, к слову сказать, не любил бывать. Вот там прилично одетый мужчина смотрел именно в шар и, немного коверкая русские слова, говорил забавные вещи: о летающих к другим планетам кораблях и возможности в будущем носить телефон в кармане. Жена Саввы, женщина, падкая на все мистическое, очень удивилась, когда Савва спросил про факира, и, поправив его, сказала, что граф Монисье никакой не факир, а проводник в другой мир. Что дар ему дан богом, а подтвержден всем высшим обществом Москвы. Да, Зинаида причисляла себя к тому высшему обществу, которое, несмотря на богатство Морозовых, никогда не примет их в свой круг. Савва это понимал отчетливо и жалел глупую женщину, которая верила, что все иначе.

– Шар – это для забавы, – сказал мужчина, вздохнув. – Я и так все вижу. Смерть тебя караулит, ходит кругами и руки потирает, а придет она через женщину, красивую женщину. Да ты чувствуешь это, душа плачет каждый раз, когда ты рядом с ней.

– Я люблю ее, – сказал Савва и поразился сам себе. Как он, богатый человек, знающий себе цену, так просто произнес это какому-то незнакомому иностранцу, мгновенно поверив, что тот что-то знает про него такое, в чем даже сам Савва боялся себе признаться.

– Не откажешься сейчас – прямая дорога на тот свет, – сказал буднично мужчина, так, словно говорил о плохой погоде.

– Я не смогу, – прошептал тихо Савва, думая, что иностранец не услышит его признания в слабости. Савва был увлекающимся мужчиной. Когда в нем вскипала страсть, владелец огромного состояния, фабрик, заводов и меценат уже ничего не мог с собой поделаться.

Этот разговор он постоянно прокручивал в голове, словно пытаясь увидеть несостыковки и убедить себя в том, что человек, предрекший его смерть, – шарлатан. Вот и сейчас в ожидании Марии он вспомнился ему, и мурашки пробежали по коже.

В руках у Саввы был подарок, он приготовил его своей возлюбленной в честь премьеры. С сюрпризом было труднее, чем выбрать место под строительство театра.

Что подарить женщине-жар-птице, женщине-амазонке? Простыми украшениями такую даму не удивить. Савва уже подарил ее всевозможными серьгами и браслетами, которые она принимала благосклонно, но без огромных восторгов. Нужен был особенный подарок, тот, что покорит ее, тот, что покажет, как Савва любит ее, искренне и безмерно, как Савва восхищается своей амазонкой.

Сейчас он, сидя в ее примерке и ожидая, когда она придет с поклона, очень переживал, понравится ли подарок. Спектакли в новом здании проходили каждый раз при полном аншлаге, и публика долго не отпускала артистов, стараясь отблагодарить их аплодисментами.

– Савва! – захохотала она, увидев, что он, как цепной пес, верно ждет ее у дверей, – Какая сегодня публика, какая публика! Нас полчаса не отпускали со сцены. Костя даже начал злиться, устав кланяться.

Костя, он же Константин Станиславский, тоже был другом Саввы, они вместе на паях владели театром, куда один приносил деньги, а другой – новаторские идеи, коих не было еще в театрах России.

– Это тебе, – Савва без предисловий протянул любимой продолговатую коробочку.

Мария с любопытством взглянула и, открыв ее, непроизвольно охнула. Она была уже очень избалована подарками, поэтому удивить ее было трудно, но по реакции он понял, что удалось.

– Это морской кортик работы одного знаменитого португальского мастера Пауло Оливейро. Сие оружие было привезено специально в подарок Петру I. Русского царя он не впечатлил, тогда его советник и друг Александр Меншиков дал своему личному ювелиру задание украсить оружие по-царски, но мастер не успел, царь скоропостижно скончался. После смерти своего покровителя Меншикову тоже было не до кортиков, и тот невыкупленным так и лежал в семье ювелира долгие годы, пока его не увидел мой отец. Раньше этого не сделал никто, потому что ювелир требовал очень высокую цену за простой, как казалось людям, кортик. Ведь он добавил к нему лишь один камень на набалдашник рукояти, и это не производило большого впечатления на клиентов ювелира. Но тот искренне считал, что в оружии камни и украшения – не главное, и их излишеством можно лишь испортить оружие, – Савва был доволен ее

реакцией. – Вот этот сапфир, который приделан как набалдашник на ручке кортика, имеет особую огранку. Мне хочется, чтоб у тебя даже оружие самозащиты было лучшим, – добавил он уже нежно и ласково.

Савва не стал говорить любимой, что тот самый сапфир откручивается, открывая тем самым тайник в ручке кортика. Для того, что он спрятал туда, еще слишком рано, пусть это останется пока тайной.

В каждой женщине сидит маленькая девочка, которая верит в принцев, драконов и высшие силы. Мария Андреева не была исключением, несмотря на статус, наличие двух детей и признание публики. Поэтому она радовалась кортику, как ребенок долгожданному подарку. Савва понял, что угадал и угодил своей любимой. Теперь она оценит его любовь, и они всю жизнь будут вместе. Всю жизнь.

«Но чью жизнь?» – пронеслось в голове.

Савва сильно ошибался, труппа театра уже запланировала гастроли в Крым, а это означало, что уже ничего нельзя изменить.

Как позже напишет Булгаков, Аннушка уже разлила масло, а значит, ничего уже нельзя изменить.

Этот сон был последним без боли, следующий уже будет рвать душу.

Глава 4. Теплоход, солнце и майор

В этом году лето в Москве было просто жгучее, словно ты находишься не в столице, а на солнечном юге. Правда, на юге такая погода обычно переносится легче, потому как море и влажный воздух смягчают температурные рекорды. Здесь же не помогали ни речка, ни ветерок, который, видимо, пытался облегчить людям жизнь. В Москве было невозможно дышать, не то что думать или передвигаться.

Евгений стоял на палубе небольшого теплохода премиум-класса и наблюдал прибытие туристов. Он специально приехал пораньше, чтобы познакомиться со своими будущими товарищами – путешественниками в славный город Мышкин.

Вместе с Евгением сначала по каналу имени Москвы, а потом и по Волге поплывет шестнадцать человек, конечно, не считая команды. На все времени было мало, но команду ребята его отдела проббили полностью, и она подозрений не вызвала, а вот туристов – только поверхностно. Во-первых, некоторые купили билеты на комфортабельный теплоход в последнюю минуту, а во-вторых, с первого взгляда это были самые простые и заурядные жители России. Ни тебе работников оборонных заводов или глав администраций, ну или, на худой конец, полицейских либо военных, работающих с грифом «секретно». Все сплошь были среднестатистическими жителями России, но Евгений знал, что это и есть самый подверженный западной разведке сектор населения. Сейчас вербовка уже не проводится, как в старые добрые времена, нет, все изменилось. Сейчас все решают социальные сети, интернет, и именно там идет промывка мозгов.

Сначала определяются лояльные люди, которые легче подвергаются убеждению. По их лайкам, да что там, даже по тому, насколько секунд дольше человек задерживается на той или иной теме, делается вывод о его убеждениях и интересах. Потом уже идет массовая обработка в Сети нужным спамом, и если человек начинает на него должным образом реагировать, то он автоматически заносится в списки лояльных данной теме.

Когда же разрабатываемый становится нужен именно как персона, вот тогда в ход идет личная обработка персонажа знакомствами и разговорами. Это что касается так называемых «идейных», которые за демократию во всем мире, свободу слова и, по старой русской традиции, с ненавистью к родному государству. Их находят просто так, не привязывая к определенной сфере, и держат на ниточках идей как спящих, пока рядом с ними не появляется действительно нужный человек.

Так как эта работа на территории России ведется уже без малого тридцать лет, то и спящих по стране очень много. Иногда их используют как «мясо» для выхода на митинги и протесты, нужные кураторам, не заботясь, что будет с ними дальше.

Да, с цифрой в вербовке стало работать легче, но вот не с передачей информации. Тут осталось все по старинке, потому как и Россия тоже стала

страной хакеров, информация нигде, ни в одном почтовом ящике, не может быть в безопасности. Об этом знают все: и мы, и они. Поэтому в основном все пользуются старыми, почти дедовскими способами, как тот британский камень пятнадцать лет назад, в московском сквере.

Женька тогда еще не работал в конторе, но ему рассказывали эту историю как референс, как инструкцию по обнаружению шпионов.

Началось все с малого: оперативники ФСБ заметили, что работники британского посольства гуляют по скверу, замедляя шаг всегда в одном и том же месте. Женька всегда поражался уму и чуйке тех оперативников, наблюдавших тогда за работниками посольства. Заметить чуть замедлившийся шаг – это было сильно, это был верх профессионализма оперативников. После именно за этим местом стали наблюдать тщательнее, разбирая все детали. И вот, в один прекрасный день один из работников посольства и вовсе остановился и подобрал с земли камень, положив его в портфель. Через день он же, словно выкинув ненужную вещь из портфеля, небрежно вернул его на прежнее место. Уже потом оперативники выяснили, что тогда камень сломался и его забирали чинить. Сначала же все подумали, что это обычная тайниковая операция, но это оказалось не так. Камень этот был специальным устройством, считывающим информацию. Сначала мимо него проходил завербованный человек с наладонником, и камень скачивал информацию, а потом с таким же наладонником проходил работник посольства и получал эту информацию себе на устройство. Проследив и выяснив всех участников операции, этот камень с помпой, материалами видеосъемки и знаниями всех участников того процесса прикрыли.

Конечно, Женька на корабле в одиночестве вызвал бы если не подозрение, то вопросы. Мужчина, путешествующий один, как минимум, странный мужчина. Поэтому коллега женского пола уже спешила к теплоходу, месту выполнения задания, но, как и все женщины, опаздывала. Женька раньше думал, что дам, служащих в особом отделе ФСБ, это не касается, но, видимо, уж так их создал бог, всех без исключения.

В кармане зазвонил телефон, маленький и скучный, не имеющий даже выхода в интернет.

– Привет, Жорж, – услышал он довольный голос коллеги. – Я его привел, встречай.

– Уже, – лениво ответил Евгений, как настоящий турист, развежившийся на солнце.

– Может, зря ты решил не ставить прослушку? – посетовал ему коллега. – Это бы облегчило нашу работу.

– Ага, – так же лениво продолжал говорить Женька, – или бы вовсе ее исключило. Если он все же тот, про кого мы думаем, то первым делом, войдя в каюту, он проверит ее на чистоту.

– Ну а я бы мог выпросить у Михалыча последнюю Ю14, – парировал собеседник.

Михалыч был гением электроники, который заведовал у них техническим отделом и всевозможными приборами – от простых и уже устаревших до новейших, о которых можно прочесть лишь в фантастических шпионских книжках. И вот Ю14, о которой говорил сейчас коллега, была из последних, жутко засекреченных и практически не обнаруживаемых камер. Но оперативники очень боялись с ней работать, потому как тот же Михалыч запугал всех, что это самый дорогой прибор в конторе, и если с ним что случится, он заставит виновных продать почку.

– На каждую Ю14 есть свой детектор, и мы с тобой не знаем, птица какого полета перед нами. Я не хочу его спугнуть, – ответил Евгений, наблюдая с верхней палубы приближение новой группы туристов к трапу теплохода.

– Знаешь, – в голосе коллеги был слышен незамаскированный скепсис, – ты слишком большого мнения об этом властелине швабр. Этот недотепа изгваздался в кофейне супом, потом задумался и прошел на красный, едва не попав под машину, ну а после, уже перед самым входом на причал, купил шоколадное мороженое, и теперь его белая футболка вся в характерных разводах. Похоже, твоя интуиция ошибается, и если бы я тебя не знал, то присоединился бы к остальным в группе, кто считает твой «объект» пустышкой.

– Вот поэтому ты до сих пор ждешь своего звания, а я займу должность начальника отдела. Джеймс Бонд только в голливудском кино красивый и накачанный супермен. В жизни все эти Джеймсы из всех сил стараются показаться тютями и неуклюжими святошами. Иногда они с этим

перебарщивают, возможно, и в нашем случае именно такое положение вещей. Но недооценивать врага – это значит сразу ему проиграть. Знаешь, кто сказал? – спросил Женька коллегу.

– Дзержинский? – попытался угадать тот, зная, как Евгений любит его цитировать.

– Фу, – засмеялся Женька, – какие у тебя стереотипы, как ты с таким мышлением в ФСБ-то попал. Евгений Александрович Бабушка сказал, твой непосредственный начальник и идейный вдохновитель. Ладно, все, мне больше некогда с тобой болтать, я вижу нашего героя. Так что принял объект, будь на связи.

По трапу сейчас поднимался молодой человек, его футболка и правда была испачкана чем-то коричневым, но он совсем не стеснялся этого, а смотрел на жизнь уверенно и радостно, освещая все вокруг фирменной американской улыбкой.

Ничего необычного в мужчине не было, да, иностранец, но очень дружелюбный и вполне социализированный в России. Евгений услышал, как тот поздоровался и поинтересовался у встречающих членов команды о времени отплытия теплохода, а также шутя пожаловался на жару. Эдакий иностранец, долго живущий в России, ничего необычного.

Странным оказалось другое – то, как наблюдали за ним две женщины в очереди на посадку. Одна была брюнеткой с черным как смоль волосом, подстриженным под каре, и в огромных очках – образ, так сказать, был странен сам по себе. Вторая была несколько старше, дама средних лет, одетая очень дорого и со вкусом. Именно она дужками своих очков показывала в сторону Женькиного объекта и, наклоняясь ближе к своей спутнице, что-то шептала той на ухо. Брюнетка же очень нервничала и постоянно поправляла свои волосы, так, словно это был парик. Какой может быть парик в плюс тридцать пять, засомневался Евгений, но напротив данной парочки все же поставил вопросительный знак. Уж очень они были возбуждены.

Объект же, подхватив рюкзак, уже направился в свою каюту, а значит, пришла пора знакомиться.

Евгений все просчитал и потому сейчас поднимался по лестнице на верхнюю палубу прямо перед объектом. Лестница там имела вид спирали и потому была неудобна, впрочем, как и на всех теплоходах такого типа. Именно поэтому не было странным то, что Женька запнулся на узких ступеньках и полетел вниз, как раз в ноги к объекту.

– О боже! – воскликнул парень в грязной футболке с небольшим акцентом. – Вы не ушиблись?

Евгений, применив все свои актерские навыки, приобретенные в школьном театре, поморщился, потирая коленку, и позволил помочь ему подняться на ноги.

– Спасибо, – вымученно улыбнулся он своему спасителю. – Было бы жалко начать выходные с перелома ноги, а не с путешествия, моя жена бы мне это не простила.

– Очень неудобная лестница, – согласился мужчина, почему-то именно сейчас смутившись из-за своей грязной футболки, и попытался стряхнуть уже въевшиеся пятна. – Надо будет осторожно по ней ходить и сказать капитану, чтобы он повесил предупреждающее объявление. Это не по правилам, что перед такой опасной лестницей нет предупреждающего знака.

– Спасибо, что помогли, – Женька протянул руку своему якобы спасителю. – Будем знакомы, меня зовут Дима.

Естественно, у Женьки было на случай прямого контакта с объектом официальное имя, подтвержденное документально. Даже паспорт имелся на Дмитрия Сергеева, новенький и вполне настоящий. Работал он с ним довольно редко, потому прикладывал массу усилий, чтобы не запутаться и не сказать свое настоящее имя. Вступить в прямой контакт – тоже была идея Женьки, которую, к счастью, поддержало и руководство, потому как теплоход – маленькое пространство, и, чтобы проследить, нужно быть в кругу отдыхающих.

– Джон, – несколько замялся парень. Видимо, в его планы не входило знакомство с посторонними на корабле, поэтому, неуверенно пожав протянутую Женькой руку для приветствия, он продолжил поспешное шествие по круглой лестнице.

Ну что ж, знакомство состоялось, но почему-то у майора ФСБ, уже матерого опера Евгения Бабушка нехорошо екнуло в желудке, а это был плохой знак, очень плохой.

Глава 5. Всем шампанского

В кают-компании на ужин были накрыты три больших круглых стола. Белые скатерти сияли чистотой, красивые красные салфетки, уложенные в бокалы одинаковыми, как братья-близнецы, пирамидами, делали столы праздничными, а столовые приборы блестели так, словно ждали сорок, чтобы они унесли их в свои гнезда.

За правым столом уже сидела именинница – тетя Серафима с молодым мужем Робертом и вечно депрессивным сыном – прыщавым подростком Богданом. Лизу даже передернуло от отвращения к своим родственникам, и, когда притворно улыбающаяся Серафима начала махать приветственно рукой, пришлось сжать зубы, чтобы не показать своего раздражения. Одна мысль спасала – она все же будет не одна в эти выходные и надо лишь немного потерпеть.

– А вот и наши любимые Сиротины пришли! – радостно завизжала тетя Серафима и кинулась обнимать всех поочередно. Первым на правах старшего брата, конечно, был отец, но Лизе показалось, что даже он немного сморщился от натиска и лобзаний сестры. Сегодня она была какая-то особенно возбужденная. Мать же, не изменив своего ничего не выражающего лица, просто добавила дежурную улыбку, даже не пытаясь скрыть брезгливости.

Когда приветственные поцелуи были закончены и все уселись за красивый стол, Лиза огляделась. Сразу стало понятно, что если они были знакомыми друг другу людьми, то за соседними столами сидели люди, чужие друг другу. Неловкость там можно было резать ножом, такой сильной и насыщенной она была. Теплоход уже несколько часов как отправился в путешествие, но люди проводили это время в основном в своих каютах, устраиваясь на новом месте. Вообще, Лиза заметила такую деталь: когда люди заселяются в гостиницы или места, где им предстоит жить некоторое время, они словно метят территорию. Им надо немного привыкнуть к месту, сместить красиво лежащее полотенце, помять натянутую кровать и, наконец, разложить вещи по номеру – в шкаф, на кресло,

стол. Словно бы этими действиями они делают чужое место своим, обозначают, так сказать, свою территорию.

Их стол был самым густозаселенным, за ним уместилось шесть человек, трое – это Лиза с родителями и трое из семейства тетушки Серафимы Жженовой. Это была фамилия ее первого мужа, которую она не меняла, а с нынешним мужем и вовсе поделилась ею.

«Мы все должны носить одну фамилию: и я, и Богдан, и ты, – сказала тогда тетушка новоиспеченному мужу Роберту, как только они собрались пожениться. – Так как я поменять свою не могу, придется слишком много исправлять документов, то это сделаешь ты».

Вот так она показала своему мужу, который был моложе ее на пятнадцать лет, что тот, кто платит, того фамилию и носят. Хотя, женившись на владелице крупной фармацевтической компании, молодой никчемный бухгалтер не возражал и, казалось, только радовался всему, что с ним происходило. Он сразу бросил работать, стал увлекаться конным спортом и гольфом, словом, наслаждаться новой, ранее не доступной ему богатой жизнью.

Тетя Серафима все заработала сама, ничего не получив от своих прежних браков. Она была женщиной сумасбродной, сильной и нагловатой. Это позволяло ей добиваться успехов в мире мужчин и делать бизнес наравне с ними, но делало ее отвратительной для окружающих. Лиза тетю уважала, но не любила и даже насмехалась над ней, правда, исключительно в душе или, на худой конец, за спиной.

Вечер уже начинал раздражать, и хотелось острых ощущений, но их она пообещала себе на вечер, а пока продолжала наблюдать. Их было за столом шестеро, по сути чужих людей, но номинально они все же были родственниками. Серафима веселилась уж сильно нарочито и налегала на шампанское, отмечая свои пятьдесят, зло подшучивала над относительно молодым мужем Робертом, который постоянно сидел в своем новеньком телефоне, переписываясь с кем-то, и даже не делал вид, что ему весело.

Богдан, пятнадцатилетний пацан с кучей прыщей и комплексов, с ненавистью смотрел по сторонам, а особенно на своего отчима.

Папа ради родной сестры единственный поддерживал ее веселье, вспоминая их совместное детство.

Мама. Лиза снова вспомнила ее разговор по телефону, подслушанный пять минут назад, и еще раз взглянула на эту незнакомую, как ей сейчас казалось, женщину. Красиво уложенные волосы ярко-рыжего цвета, голубое летнее платье, обтягивающее фигуру, которую мама сохранила к сорока пяти годам, и огромное безразличие в глазах. Именно это безразличие когда-то оттолкнуло дочь от матери, но сейчас в свете подслушанного случайно разговора ей уже казалось, что это не безразличие, это страх.

Лиза пошла покурить перед ужином и, найдя себе на корме, как ей показалось, укромное место, смачно затянулась.

– Я боюсь, – услышала она мамин голос совсем рядом и аккуратно выглянула на боковую палубу. – Я устала, я очень устала от этого, – вновь сказала мама в телефон. – Обещай мне, что это последний раз, обещай. Иначе я за себя не отвечаю.

Видимо, ее собеседник убеждал, потому что мама долго молчала, но после добавила:

– Что я сделаю? Пойду в полицию и все расскажу. Я устала бояться. Пусть! – последнее слово мама уже прокричала, эмоционально сбросила звонок, чуть не выронив телефон из рук, и быстро направилась в каюту.

Лиза не могла до сих пор никак интерпретировать этот разговор. Хотя, возможно, она просто не хотела, потому и сейчас, выкинув из головы мысли о маме, стала рассматривать соседние столы.

Оба, и правый, и левый – были накрыты на пятерых. Видимо, это стандартная сервировка для данного путешествия, и для стола, где сейчас сидела Лиза, просто сделали исключение. Внимание девушки привлекла грузная престарелая дама с черными, почти гусарскими усами и голубыми тенями. Ее сморщенное лицо, на которое был нанесен чересчур яркий макияж для дамы такого возраста, имело выражение, будто она знает на этой планете все. Женщина была ярко, но бедно одета. Было видно, что вещи, которые она надела на ужин, отпраздновали уже не один десяток лет.

«Откуда у нее, интересно, деньги, на это путешествие?» – подумала Лиза и переключилась на ее соседку.

Насколько была уверенной, как ей показалось, девяностолетняя бабуля, настолько выглядела растерянной ее сиделка. Лиза так и не решила, кем она является для раскрашенной, возможно даже родственницей, но про себя все же назвала ее сиделкой. Девушке было лет двадцать пять, она была низкой, как говорят в народе, сбитой, с копной каштановых волос, заколотых на длинную спицу – заколку в японском или китайском стиле, Лиза не разбиралась. Но заколка – единственное, что было красивого в наряде девушки. Шелковый шарфик, к примеру, на ее шее в тридцатиградусную жару выглядел комично. Рядом с дамой девица смотрелась простушкой, словно служанка рядом со своей госпожой, даже несмотря на генеральские усы последней.

Также за их столом сидел молодой человек лет тридцати пяти, он был один, не общался со своими соседями и не отрывал взгляда от телефона, что-то усиленно там рассматривая. Смотрелся он довольно странно: один, молодой и ко всему происходящему безразличный, словно его какая-то повинность заставила прибыть на этот теплоход. Лиза даже почувствовала в нем родную душу, которую принудили к такому времяпровождению, но тут же одернула себя: слишком прост он для такой, как она.

Другими соседями за их столом была пара из тех, что постоянно милуются и юношески держатся за руки, хотя им перевалило за тридцать. Такие еще любят называть друг друга разными уменьшительно-ласкательными животными прозвищами, от мышек до тигрят.

Лиза понимала, почему эти любители сюсюкаться со своей второй половинкой делают это нарочито, на людях, так, чтобы их видели все. Она была уверена, что такой показухой они словно хотят прикрыть черные дыры в своих отношениях, измены и, возможно, даже домашнее насилие, но им важно продемонстрировать другим, что у них все хорошо. Словно, убедив окружающих, они убеждали сами себя и начинали свято в это верить, называя друг друга «зая», «солнце мое» и другими, как считала Лиза, мещанскими словечками. Она не успела рассмотреть третий стол, потому как на небольшую сцену вышел молодой человек – аниматор из команды теплохода, и, начав говорить в микрофон, заставил всех замолчать и посмотреть в его сторону.

– Добрый день! Приветствую наших гостей на теплоходе «Агата Кристи». Меня зовут Герман и я буду все эти три дня вас развлекать. Вы любите детективы? Уверен, любите, люди не могут их не любить. Ну а раз наш теплоход носит имя великого автора детективов, то и тур наш будет с этим уклоном. Мы придумали для вас настоящий квест, где вы сможете в самых невероятных местах найти следы преступлений и распутать не одну загадку. Постарайтесь распознать наши уловки и раскусить нас первыми. Сейчас же я предлагаю вам поднять бокалы с шампанским за начало нашего путешествия, – провозгласил ведущий, и девушка-официант внесла в зал поднос с шампанским. Герман первым подхватил с подноса бокал и, пока девушка разносила по столикам остальные, залпом осушил его.

Люди оживились. Веселый ведущий, шампанское и предвкушение путешествия сделали свое дело, гости улыбнулись окружающим какими-то особенными улыбками, выдающими в них эйфорию. Даже Лиза позволила себе отпустить злость на отца и раздражительность на трещавшую все время тетку, а мысль, что путешествие будет не столь ужасным, согрело душу.

Но звон бокалов перебили хрип и звук падающего тела. Все вновь обернулись на сцену и увидели на полу корчившегося Германа с пеной изо рта.

Лиза, как гадюку, тут же бросила бокал с шампанским, словно оно даже через стекло могло ее отравить. Этот звон еще больше напугал гостей. Все в оцепенении смотрели на бьющегося в конвульсиях на полу молодого человека.

– Вы что все стоите, сделайте что-нибудь! – закричала она, первой придя в себя, но, как только несколько мужчин ринулись к пострадавшему, тот тут же встал, вытер как ни в чем не бывало пену с лица и засмеялся в голос:

– Ну, вот вы и попались первый раз, господа! Обещаю, что этого в нашем путешествии будет много, и вы еще не раз пощекочите себе нервы.

– Дебил, – сказал в сердцах парень с соседнего стола, и все были с ним согласны.

Станным было то, что пять минут назад он очень спокойно что-то читал в своем смартфоне, и перемена поведения от спокойного слона до злого ротвейлера была очень резкой. Но Лизе было некогда разбираться в метаморфозах поведения чужого ей мужчины. Сейчас она смотрела на единственного, кто был

ей интересен в этой комнате. Правда, говорят, когда человек напуган или когда смеется, он в первую очередь смотрит на самого дорогого и самого важного для себя человека. Но то, что этот человек не смотрел сейчас на нее в ответ, очень обидело Лизу, особенно, после того, как девушка поняла, на кого он смотрит. Кровь прилила к лицу, и захотелось убить его немедленно, стереть предателя в порошок. Хорошо, что на этой страшной мысли человек, что был для нее почти вселенной, все же направил взгляд в сторону Лизы, улыбнулся уголком губ и чуть заметно подмигнул.

Ну слава богу, Лизин мир вновь встал на место.

Глава 6. Разделение по гендерному признаку чревато

«Как началось все по-скотски, так и продолжается», – думал Женька, разнимая дерущихся дам.

Сначала эта дура, что должна была изображать его жену, мало того, что приперлась зареванная, так еще и никак не могла взять себя в руки и успокоиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/efimova_yuliya/do-vstrechi-v-sleduyuschey-zhizni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)